**«ПЕСНЯ ВОЛКА»: К ЖАНРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
В СИСТЕМЕ АДЫГСКОГО ФОЛЬКЛОРА
(сравнительно-вариативное исследование)**

Тхамокова Жёня Галимовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

В статье предпринимается сравнительно-вариативный анализ произведения, жанр которого определяется как песня-сказка. Для рассмотрения избрана «Песня волка», исполняемая чаще всего в певческой форме, но сюжетом, композиционными особенностями и характером образов имеющая выраженные признаки сказки о животных. Персонажи песни-сказки представлены как типичные носители свойств, которые обычно приписывает им традиция прозаического нарративного жанра. Своеобразие заключается в архаическом сочетании певческой формы со сказочным сюжетом и персонажами. Также обращается внимание на функцию рассматриваемого произведения и характер его варьирования. Такой подход на адыгском материале предпринимается впервые, что определяет степень новизны и актуальность выполненной работы в целом.

Ключевые слова: песня-сказка, жанровые особенности, вариативность, сравнительный анализ, персонаж, волк.

Сказки о животных признаны в фольклористике как одна из основных разновидностей жанра, который считается наиболее популярным и многообразным в жанровой системе народного словесного искусства. Ш.Х. Хут, автор первого монографического исследования адыгской сказки, утверждал, что данная жанровая разновидность не занимает большого места¹ в репертуаре адыгских исполнителей.

Мы полагаем, что такое утверждение требует уточнений, поскольку оно было вызвано тем, что автор не мог располагать достаточно полным объемом фактических материалов, относимых к сказкам о животных. Наша работа в области систематизации сюжетов и мотивов адыгской сказки с применением международных каталогов позволяет нам отметить не менее, чем 83 типа сюжетов*. При этом данное число не окончательное, так как работа над указателем сюжетов адыгских сказок еще не завершена, и пополнение числа типов вполне вероятно. Мы имеем основание признать не только сюжетно-тематическое многообразие, но также широкую популярность сказок о животных в фольклоре адыгов и их важное место в репертуаре исполнителей.

Ни один из типов сюжетов адыгских сказок названной жанровой разновидности еще не подвергался обстоятельному сравнительно-типологическому изучению на современном уровне. Данная статья является попыткой обратить внимание на важность устранения этого пробела в адыгском сказковедении – рассматривается одна стихотворная сказка «Песня о волке». Но вначале необходимо определиться с жанровой принадлежностью произведения. Дело в том, что сюжет произведения сугубо сказочный, но форма исполнения нетипична для данного жанра – это

* Тхамокова Ж.Г. Указатель сюжетов адыгских сказок о животных по системе Международного указателя сказочных сюжетов Аарне-Томпсона (Личный архив автора).

не прозаическое повествование, а песня. Если за основной признак определения брать форму (что вполне резонно), то надо признать, что мы имеем дело с песней. Однако даже при этом условии надо заметить, что и в песенной форме существуют произведения разных жанров, в том числе и песни-сказки.

Сюжет рассматриваемого произведения несложен. Охотясь за добычей, волк попадает в ловчую яму; он воет, причитая о своей горькой участи, клянется никогда не посягать на род того, кто его извлечет из западни; подошедшие на его вой лиса (корова или др.) не поддаются на его лстивые уговоры спасти его, напоминая о его злодеяниях против них, но старая лошадь (осел) берется выручить волка – она наклоняется к яме, волк, вероломно вцепившись в грудь, затаскивает спасителя в яму, съедает, и, опираясь на ее кости, выбирается из ямы, либо, по совету лисы, охотники (табунщики) убивают его в яме.

Сюжет относится к наиболее популярным в сказочном репертуаре адыгов. В публикациях и неопубликованных записях нами выявлено десять вариантов, зафиксированных в разных местах проживания адыгов на Северном Кавказе – Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Республике Адыгея.

Название текста варьируется – разные исполнители именуют произведение по-разному. Ниже дается таблица, в которой мы постарались отметить все сходства и различия.

Таблица данных по вариантам

Вариант	Источник	Название	Сказитель, его возраст	Место записи, дата	Собиратель	Способ записи	Персонажи кроме волка
I	ФФА* КБИГИ* п. 9, т. 11	Волк	Акяг И., 80 лет	РА, сел. Тохтамукай, 28.05.1960	Курашинов Б.	Рукопись	Лиса, корова, лошадь
II	Фонотека КБИГИ, кас. 45/3	Плач волка	Кунижев Х.	КБР, сел. Нарган, 1961, Чегемск. р-н	Кардангушев З.	фонозапись (пение)	Лиса, лошадь
III	ФФА КБИГИ, п. 12а, т. 12	Плач волка, упавшего в яму	Ордоков М.	КЧР, аул Хабез, 30.08.1957	Эльбердов Х.	Рукопись	Лиса
IV	ФФА КБИГИ, п. 12, т. 18	Причитание волка	Бганов И., 85 лет	РА, сел. Шинджий, 18.10.1958	Керимов М.	Рукопись	Лиса, корова, лошадь
V	ФФ КБИГИ, п. 12, т. 19	Песня волка	Дышекова Ф.М., 80 лет	КЧР, аул. Хабез 1962 г.	Гукемух А.	Рукопись	Младший брат (собака)
VI	Кн.: «Гуси-лебеди» 1969	Как волк упал в яму	Сб. для детей. Сказитель не обозначен	КЧР	Мижгаев М., Бекизова Л.	Печатн.	Лиса, лошадь, борзая собака, осел
VII	Фонотека КБИГИ, кас. 450, т. 26	Песня волка	Гонов А., 69 лет	КБР, с. Нарган, Чегемск. р-н, 26.07.1979	Гутов А.М.	фонозапись (пение)	борзая собака, осел, лиса

VIII	Фонотека КБИГИ, кас. 447, т. 4	Песня серого	Гонов А., 69 лет	КБР, с. Нартан, Чегемск. р-н, 30.07.1979	Тхамокова Ж.Г.	фоно-запись (пение)	Лиса, борзая собака, осел
IX	Фонотека КБИГИ, кол. 614, кас. 39а, т. 5	Песня-плач волка	Хацуков А.Х., 68 лет	РА, 05.09.1981 а. Уляпа Красногвард. р-н	Налоев З.М.	Фоно-запись (пение)	Лиса, осел
X	ФФ КБИГИ, п. 12, т. 20	Песня волка	Лиев Б.Х., 55 лет	г. Карачаевск, КЧР, март 1957	Гукемух А.	Руко-пись. Со слов записавшего – пение	—

* Фольклорный фонд архива.

Характеризуя данный текст, прежде всего обратим внимание на варьирование названий. Здесь встает проблема жанра. По большинству вариантов это песня, куда его относят иные фольклористы при публикации (см. таблицу: варианты: V, VII, VIII, IX, X).

Мы солидарны с адыгскими филологами М. Мижаевым и Л. Бекизовой, которые относят произведение к жанру сказок по следующим признакам: есть сюжет, стройная композиция, конфликт, диалоги, образы героев четко обозначены, наличествуют понятия: «добро-зло»². Ш.Х. Хут также справедлив, рассматривая произведение в ряду адыгских сказок о животных³. Сюжет бытует в прозаической форме – классической для жанра сказки, у абазин⁴ – родственного адыгам народа, что тоже подтверждает принадлежность рассматриваемого произведения к жанру сказки.

Сравнение приведенных в таблице вариантов показало, что в композиционном плане они не в равной степени полны и совершенны как художественное произведение. В частности, не во всех записях соблюдается характерная для поэтики сказок троичность повторов, что зависит от количества противопоставленных волку персонажей. Наиболее совершенными в этом смысле оказались первый, четвертый и записанные от одного и того же сказителя разными собирателями в разное время седьмой и восьмой варианты. В четвертый вариант введены четыре персонажа, что приводит к четырехкратному повтору, нехарактерному для поэтики сказки. В третьем и пятом вариантах представлено, помимо волка, всего по одному персонажу, и, следовательно, в них вообще нет характерного повтора, и сказка в эстетическом плане не получает своего развития. Поэтому она остается малоувлекательной для детской аудитории, на которую она рассчитана. Десятый вариант вовсе является фрагментарным, в нем наличествует только начало – мотив охоты хищника, и мы внесли его в таблицу исключительно для полноты охвата имеющихся материалов. Но он интересен наличием строк, каких нет в других вариантах.

Очень важна финальная часть в имеющихся вариантах сказки. Не везде она заканчивается победой волка. Если в четырех вариантах (I, IV, VI, IX) волк становится победителем (он, обманув добродушную лошадь или глупого осла, выбирается из ямы и убегает), то в трех вариантах (III, VII, VIII) волк становится добычей охотников (табунщиков), что происходит с подачи лисы, постоянного персонажа всех вариантов сказки, кроме волка.

При этом наиболее логически мотивированным является гибель волка в варианте А. Гонова (VII, VIII – повторная запись): из трех персонажей на песню-плач волка осел приходит вторым и непременно становится жертвой волка. Но третьей является умная и хитрая лиса, которая не поддается лстивым речам волка. Более того, она и наводит на него охотников (табунщиков). Они убивают волка: зло наказуемо, и это более типичный сказочный финал.

Приведем полный текст одного из вариантов текста с нашим подстрочным переводом - вариант первый. Он относится к наиболее композиционно совершенным, как мы заключили выше, и его первая публикация (1963 г.) сопровождалась нотной шифровкой мелодии в исполнении народного певца КБР Кунижева Х. (вар. II).

Дыгъужь

– Уае махуэми соуши,
Щынахъуэ щIалэм сылушIи,
Щынахъуэ щIалэр згъежеи,
Щынэхъу жейхэм сахыхьи,
Щынэхъу пшэрхэр къахэсхи,
«Къуацэ лъапэр жъауэш» –
ЖысIэри есхьэкIи.
Пшафэм кышчызубли,
КIапэ кIафэм сыщынэсам,
Дзыгъуэ цIыклум кыигъэсыси,
Къыхэлъэтри сыкыигъащти,
ЩIэбгъунлъыкIейуэ сыщIэбгъунлъри
Мы нэгъуей мащэм сипкIащ.
«Сизыхыжым лъэпкъмышх тхьэрыуэ хуэсщIынуш», –
Жери, дыгъужьыр мэтхьэусыхэ,
Къызыхехри бажэжъейр къос.
– Е зи наплъэ-Iуплър гуих,
ЛъэнкIапIэр щIэзыхыр зи нитI,
Зи тхьэкIумитIыр дзасэ,
Сытытхьэм укыхьа?
– Уэлбанэ махуэ гушэм соуши,
Щынахъуэ щIалэм сылушIи,
Щынахъуэ щIалэр згъежеи,
Щынэхъу жейхэм сахыхьи,
Щынэхъу пшэрыр къахэсхи,
«Къуацэ лъапэр жъауэш», –
ЖысIэри есхьэкIи.
Пшафэм кышчызублэри,
КIапэ кIафэм сыщынэсым,
Дзыгъуэ цIыклум кыигъэсыси,
Къыхэлъэтри сыкыигъащти,
ЩIэбгъунлъыкIейуэ сыщIэбгъунлъри
Мы нэгъуей мащэ гушэм сипкIащ.
Сихыжи мы нэгъуей мащэжъым
Уи лъэпкъ сымышхыжынкIэ тхьэ сIуэнш.
– Дянэ бажиблу дыкыльхуи,
Хьэмэшыпхэм дзыгъуащэ жиIи дыкыиши,
Уи кIэр бгъэсысу щэдж къуагъым укыкыуэкIи,
Ди лъакъуэхэр кIэщIти, удз кIырым дыхэни,
Сэр фIэкI кыуумыгъанэу пшхыгъащ.
Сэ уисхыжыхукIэ ис,
Илъэс минищэ птызоIуэ!
СяпэкIэ бажэгъуэр кызожъэ,
СяужькIэ хьэрэ лIырэ зэпоуэ, –
ЖеIэри бажэжъейр IуокIыж.
СокIуэтри щэ соджэ,
Къызэхехри жэмыжъыр къос.
– Е зи наплъэ-Iуплър гуих,
ЛъэнкIапIэр щIэзыхыр зи нитI,
Зи тхьэкIумэ кIапитIыр дзасэ,

Сытытхэм укыхьа?
– Уэлбанэ махуэ гуцэм соуши,
Шынахуэ щалэм сылуши,
Шынахуэ щалэр згъэжеи,
Шынэху жeahэм сахыхьи,
Шынэху пшэрыр къахэси,
«Къуацэ лъапэр жъауэщ», –
– Жыслэри есхэкъи.
Пшафэм кышызубли,
Клапэ клафэм сыщынэсым,
Дзыгъуэ цыкълум кыгъэсыси,
Къыхэлъэтри сыкыгъащти,
Щцэбгъунлыкълейуэ сыщцэбгъунлъри
Мы нэгъуей мащэ гуцэм сипкълащ.
Сихыжи мы нэгъуей мащэжъым
Уи лъэпкъ сымышхыжынкълэ тхэ слуэнщ.
– Гъатхэ гуцэм удзыр сыбгъэхъукъым,
Бжыхьэ гуцэм си шкълэхъур уошхыж,
Сэ уисхыжыхукълэ ис,
Илъэс минищэ птызоуэ! –
Желэри жэмыжбыр луокълыжыр.
Соклуэтри зэ гуоугъуэ согуо,
Къызэхехри щцэбгъуалэжбыр къос,
Си тхэусыхэ хузоуатэ:
Сихыжи мы нэгъуей мащэжъым
Уи лъэпкъ сымышхыжыну тхэ слуэнщ.
– Сыт мыгъуэкълэ укысхыжын?
– Уи дыщэ бгъэлыбэр къэший,
Си хьэ лъэбжъанипщыр хэзгъэнэнци сипхыжынщ,
Пщцэбгъуалэжбыр хьэлэлти
И бгъэлыбэжбыр еший,
И хьэ лъэбжъанипщыр хигъани,
Къызэщцыкълуэри ирилъафи,
Пщцэбгъуалафэр трихи,
Къупщхьэ-лъапщхьэр кыгъани,
Адрей къэнахэр зэхильхьы,
Зэхильхьари и лъэмыжу
Дыгъужыжбыр кыкълыжащ.

Волк

«В морозный день иду рысью,
С чабаном молодым встретился,
Чабана молодого усыпил,
К ягням спящим вошел,
Ягненка жирного унес,
«Под кустами тень», – подумав, отнес,
С шейной кожи начав,
К хвостовой коже когда доходил,
Мышонок шевельнул кусты,
Выскочив, испугал меня,
Поскользнулся страшным скольжением,
Прыгнул [угодил] в эту ногойскую яму,*
Кто меня извлечет отсюда, <тому>

* Ногайская яма – вероятно здесь нашло отражение разносторонние связи адыгов с соседними ногайцами. В частности, другая сказка отразила, что ногайцы были хорошими табунщиками, из-за чего князь нанял табунщиком ногайца. Возможно, здесь имеется в виду яма, вырытая ногайцем.

Дам клятву, что не посягну на его род, –
Говоря, так волк сетует.
Услышав <его>, явилась лиса.
– Эй, чей вид жуткий,
От чьего взгляда подкашиваются ноги,
Чьи два уха остры словно вертел,
Какой бог тебя принес?
– В дождливый день, о горе, <я> шел рысью,
С чабаном молодым встретился,
Чабана молодого усыпив,
К ягням спящим вошел,
Ягненка жирного выбрал,
«Под кустами тень», – подумав, отнес,
С шейной кожи начав,
К хвостовой коже когда доходил,
Мышонок пошевелил кусты,
Поскользнулся страшным скольжением,
В эту ногайскую яму, о горе, прыгнул [угодил],
Извлеки меня из этой проклятой ногайской ямы,
Дам клятву, что не посягну больше на твой род, –
Говоря, волк сетует.
– Наша мать родила нас семерых,
Вдаль повела «На охоту за мышами», – сказав,
Хвостом своим шевеля, из-за стога снопов ты вышел,
Наши ноги коротки были, и мы в густой траве застряли,
Съел, было, всех, кроме меня,
Пока я тебя извлеку – сиди!
Сто лет желаю!
Впереди меня ждет лисья нора,
Позади меня собаки [борзые] и люди наперегонки несутся», –
Сказав, лиса уходит.
Отступаю и зову три раза,
Услышав меня, явилась старая корова.
– Эй, чей вид жуткий,
От взгляда которого подкашиваются ноги,
Чьи два уха остры словно вертел,
Какой бог тебя принес?
– В дождливый день, о горе, шел рысью,
С чабаном молодым встретился,
Чабана молодого усыпил,
К ягням спящим вошел,
Ягненка жирного выбрал,
«Под кустами тень», – подумав, <туда> отнес,
С шейной кожи начав,
К хвостовой коже когда доходил,
Мышонок шевельнул кусты.
Выскочив – напугал меня,
Поскользнулся страшным скольжением,
В эту ногайскую яму, о горе, прыгнул.
Вынеси из этой ногайской жуткой ямы,
Дам клятву, что не посягну никогда на твой род.
– Весной, о горе, не даешь пастись в траве,
Осенью, о горе, моего теленка съедаешь,
Сиди, пока я тебя извлеку,
Сто тысяч лет предрекаю!
Сказав, корова старая уходит.
Отступив, один раз кричу,
Услышав, серая лошадь является,
Свою жалобу изливаю:

– Извлеки из этой жуткой ногойской ямы,
Дам клятву, что на твой род больше не посягну.
– Чем, о горе, извлеку?!
– Твою золотую грудь ко мне протяни,
Моими десятью собачьими когтями вцеплюсь и вынесешь.
Лошадь серая была добра,
Свою грудь протянула,
Свои десять собачьих когтей <волк> вонзил,
Всю ее схватив, затанул,
Снял шкуру серой лошади,
Кости оставив,
Остальное сложив,
Сложенное стало ему лестницей и
Волк вышел из ямы.

Сравнение вариантов по художественно-изобразительным средствам в рамках настоящей статьи не представляется возможным – это самостоятельная научная проблема, требующая отдельного внимания. Приведенный здесь научный перевод первого варианта может быть отправной точкой в этом смысле. Пока отметим, что вариант А. Гонова (вар.: VII, VIII) отличается особой художественностью, где плач волка содержит множество междометий.

Интересные результаты можно было бы ожидать и при сравнительном исследовании данного текста с инонациональными вариантами, однако к настоящему времени нами еще не обнаружено соответствия для рассматриваемого типа по указателю сюжетов Аарне-Томпсона⁵. В плане типологическом он сходен с типом АТ 31 «Звери в яме», но здесь надо учитывать и фактические различия в плане содержательном.

Что касается музыкального аспекта, мы с сожалением должны признать, что степени нашей компетенции недостаточно для относительно полной характеристики предмета исследования. Отвергая споры о том, что более важно в песенных жанрах – слово или напев, Н.И. Кравцов писал: «Слово и напев в фольклорном произведении... имеют единую эмоционально-эстетическую направленность»⁶. Мы всецело разделяем такую позицию, добавляя к сказанному, что целостное представление о любом художественном произведении можно получить только с учетом и формы, и содержания. Поэтому в дальнейшем мы намерены углубить наше исследование в этой области с привлечением текстов с нотными шифровками.

Закljučая отметим, что «Песня волка» является одним из замечательных произведений животного эпоса адыгов – сказкой в стихах. Она призвана, развлекаая, образовывать и воспитывать детей, преподавать детям знания о животном мире, знакомить с их образами. Развлечение достигается ритмичностью, повторяемостью общих мест, музыкальностью произведения. Его носители различны в исполнении текста, и это зависит от силы памяти человека, перенявшего текст от другого, его эстетического мышления, характера голоса. В жанровом отношении рассмотренное произведение представляет собой песню-сказку, которая, по всей вероятности, сложилась на базе вышеприведенного сказочного сюжета. Это позволяет отнести ее к более позднему этапу формирования песенных жанров адыгского фольклора.

Примечания

1. Хум Ш.Х. Сказочный эпос адыгов. Майкоп, 1981. С. 12.
2. Къру-къру, къаз-къаз (Гуси-лебеди) / Запись и подготовка к изданию Бекизова Л., Мижгаев М. Черкесск, 1969. С. 7.
3. Хум Ш.Х. Указ. соч. С. 21.

4. Абазинские народные сказки / Сост., перев. с абаз., вступит. статья, примеч. В.Б. Тугова. Сер.: «Сказки и мифы народов Востока». М.: Наука, 1985. С. 23–25.
5. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC № 3). Translated and Enlarged by S. Thompson (FFC184). Helsinki: Suomalainen Tiedakatemia, 1961. 588 p.
6. Кравцов Н.И. Слово и напев в песенных жанрах фольклора // Н.И. Кравцов. Проблемы славянского фольклора. М.: Наука, 1972. С.106.

THE SONG OF THE WOLF: TO THE GENRE IDENTIFICATION IN THE SYSTEM OF ADYGHE FOLKLORE (comparatively variable research)

Tkhamokova Zhenya Galimovna, Candidate of Philology, Senior researcher of the Sector of Adyghe (Circassian) folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

The article undertakes a comparative analysis of the work. This genre is defined as a fairy tale song. For the consideration selected “The song of the wolf” which is often performed in singing form. At the same time, the plot, compositional features and character of the images in it have pronounced sings of a fairy tale about animals. The characters of the tale are presented as typical bearers of properties that are usually prescribed by the tradition of the prose narrative genre. The uniqueness lies in the archaic combination of the singing form with a fabulous storyline and characters.

It is also paid an attention to the function of the work in questions and the nature of its variation. Such as approach on the Adyghe material is considered for the first time, which determines the degree of novelty and relevance of the work performed as a whole.

Keywords: fairy tale song, genre features, variability, comparative analysis, character, the wolf.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-162-169